

ОН РОДИЛСЯ

Вет. Матвеев. — 2002. — 6 марта. — с. 6

8 МАРТА

Веста БОРОВИКОВА

— Вы вызываете в людях полярные чувства. Или безоглядная любовь, или тотальное неприятие. Как вы реагируете на второе?

— Я стараюсь не реагировать. Потому что если я среагирую, я могу убить. Я не пускаю к себе в душу эту грязь. Но мне пришлось этому долго учиться. Когда меня из театра «Красный факел» в Новосибирске пригласили работать в Москву, в четыре на выбор театра — МХАТ, Малый, Александринку и Ленком, — и я пришел работать в Малый театр, то столкнулся с такой лавиной ненависти, что дело дошло до больницы. Я шел на выход в роли Незнамова в «Без вины виноватые» и услышал реплику: «И вот это дерьмо из Сибири везли?» Сказано было так, чтобы я услышал. Я ничего не ответил, только температура у меня поднялась за сорок, и покрывшись я какой-то отвратительной красной сыпью. И жена моя привезла меня в больницу. И доктор, узнав о причине, спросил: «Вам выматериться хотелось?» — «Да». — «Так надо было!»

И он меня все-таки спас тогда, я оклемаюсь. Но отвечать ненавистью на ненависть я не стал. Я лечился всегда работой. Я начал работать с девяти лет. Меня мама растила одна, и я ей чем мог помогал. Она меня утром за руку — и в поле. Она свое дело делала, я — свое. Я водил лошадь в борозде, возил воду мужикам в поле, собирал колоски, красил заборы. Мне платили три рубля — я приносил их маме. И был горд невыносимо.

— Откуда вы родом?

— Родился я на Херсонщине. Мама моя была украинка. Красивая очень была женщина, но неграмотная. А папа русский был, грамотный, по партийной линии шел. И наступил у него в жизни момент, когда неграмотная жена стала ему не нужна. И он нас бросил. И вернулись мы с мамой к деду. А дед маму не простил, что пошла она без его согласия замуж за коммуниста, невенчанная. И часто он маму унижал, и по всему селу на нас с ней пальцем показывали, называли меня байстрюком — незаконнорожденным ребенком. Мама была гордой, на людях никогда и виду не показывала, а только часто, меня к груди прижав, плакала где-нибудь в закутке. И замуж она больше не вышла, всю свою любовь, все свое сердце женское мне отдала. И все, что есть во мне доброго, это у меня от нее.

— Вы успели вернуть ей все это?

— Нет. Когда ее не стало, я был только начинающим актером в Малом театре. Не успел. Она, конечно, с нами жила, я ее привез из оккупации еще во время работы в Тюмени. Но успеха моего ей заставить не удалось. Вообще всем, чего я в жизни добился, я обязан трем женщинам: маме, жене моей и той моей первой учительнице драматического искусства, которая мне сказала, чем я должен в этой жизни заниматься.

Жена моя, Лидочка, человек удивительный. Они с мамой очень похожи. У нее тоже есть это великое умение отдавать. Мы прожили с ней пятьдесят пять лет, и ни разу она меня ни о чем не просила. Для себя. Для внуков, детей — да. Для себя — ни разу. Она обладает умением терпеть. Я вам сейчас приведу один пример. Лиде врачи записали второго ребенка рожать. А я очень хотел мальчика. И я даже рецепт тайный знал, как так сделать, чтобы мальчик получился. И Лидочка моя решила родить. И когда перед родами ей сказали: «Ситуация тяжелая. Или вас потеряем, или ребенка. Надо мужу звонить», она не разрешила. «У него сегодня сдача спектак-

ля. Его беспокоить нельзя. Сохраняйте ребенка».

Я это потом узнал, и не от нее, конечно. От врача.

— Вам повезло с женой.

— Мне вообще с жизнью повезло. Мне люди попадались добрые. Душою богатые. Мама моя привезла меня учить в райцентр, и сама со мной осталась, пошла уборщицей работать. И в

**На смену
бронзовому веку
всегда приходит
железный. Герои
уступают место
«обыкновенным»
людям — порочным,
слабым,
несовершенным.
Евгений Матвеев,
последний
настоящий герой
нашего кино.
8 марта ему
исполнится 80.**

школе нашей был драматический кружок, которым руководила удивительная, прекрасная женщина — Валентина Николаевна Погорелова. Она меня любила и маму мою любила. Она все время приносила мне книжки. И она меня подтолкнула к тому, чтобы я пошел на артиста учиться.

— И вы пошли в артисты и нигде уже не сворачивали?

— Как же не сворачивал, когда война началась? Я ведь чуть не остался военным, потому что, скажу вам нескромно, был я неплохим офицером. Из меня уже делали генерала, посылали в академию. А помог мне с демобилизацией Александр Петрович Довженко. И в 46-м году я вернулся с войны. Через год после победы. Демобилизовался. Маму привез из оккупации. Женился на Лидочке. Родилась дочка. Надо было жить на две карточки: мою, рабочую, и Лидочкину — иждивенческую. У мамы не было вообще никаких карточек. И я работал на шести работах тогда, чтобы выжить.

— Как?

— Так. В шесть часов утра начинался мой рабочий день. Я работал диктором тюменского радио. Как сейчас помню, что я говорил: «Внимание, говорит Тюмень! Местное время шесть часов утра. Передаем передовую статью газеты «Тюменская правда». В конце говорил: «Читал Дубровский». Я боялся, чтобы не показалось, что я везле. Потому что я еще играл главные роли в местном театре и в педагогическом институте, на историческом факультете преподавал русскую выразительную речь. По ночам читал учебники. Вел несколько

Евгению МАТВЕЕВУ 80

драматических кружков. Раньше они были при жэках, при фабриках. Там платили небольшие деньги, но я кормил семью. Когда я уходил утром, мама и Лидочка наливали мне две большие тарелки супа. И каждая сидела и дула на этот суп, чтобы я успел поест и не бегал весь день голодный.

— Потом стало легче?

— Я всю жизнь так работаю. Мне на днях восемьдесят. Спросите у Лиды, сколько раз мы были в санатории. Раз четыре. И то я ехал, что-

бы ее подлечить. Брал ее под мышку и вез. А сам и там работал — писал сценарии. Потому что у меня не было времени. Выходных у меня не было. Я четыре раза был на целине. Суточные — два рубля шестьдесят копеек. Потому что партия сказала: «Деятели культуры — на целину». Я по всему БАМу проехал. Я ездил в июле 86-го с концертом к ликвидаторам Чернобыля. Позвонили из ЦК, попросили — я поехал. Там же люди, они же работали! Потом, когда туда приехал, я узнал, что двум десяткам человек предложили — все под разным соусом отказались. И когда мне дают орден Ленина, все опять недовольны. Все хотят держать дуло в кармане и ждуть себе орден. Хотя, конечно, силы сейчас уже не те. Прокурился я весь до ужаса.

— Подводит здоровье?

— Дело не в здоровье. Дело в силе духа. Здоровье меня подводило не раз. Во время съемок «Поднятой целины» лошади понесли, тачанка, в которой я ехал, перевернулась, и повредил я себе позвоночник. Добил: точнее, он у меня уже был поврежден. И дальше я — инвалид. Руки-ноги не двигаются. Мне дают пенсию — сорок один рубль. А Лидочка тогда работала в Большом театре, пела в хоре и получала сто двадцать рублей. Звонит мне Елена Николаевна Гоголева, которая ко мне относилась удивительно тепло. И она говорит: «Женя, вам полагается республиканская персональная пенсия». — «Ну, если полагается, — дайте». — «Вам надо написать заявление». — «Нет. Заявление я писать не буду. Как я буду писать: «Дайте мне пенсию, я хромающий»? И она мне потом сама пенсию оформила... И на возрастную пенсию я не стал писать заявления. Полагается — дайте. А просить не стану.

— А сила духа вас никогда не подводила?

— Дважды. Два раза я хотел покончить с собой. Первый раз — когда я во время войны попал под трибунал. О втором рассказывать не буду.

— За что — под трибунал?

— А это как раз был тот случай, когда я не сдержался и выматерился. Дело было в Тю-

менском военном училище, в 44-м году. Я готовил тогда курсантов на фронт. Меня на фронт не отправляли, хотя я уже дважды рапорт подавал. Начальник училища Якимов, интеллигентнейший человек, хотя и военный, гвардии полковник, говорил, что мне, курсовому офицеру, надо кадры на фронт готовить. Я скрипел зубами, но готовил. И вот отправил я своих курсантов на фронт. Неделю сижу без дела. Прихожу к нему с очередным рапортом: «Пустите на фронт». А он мне говорит: «Женя! Просьба у меня к тебе. Тут сорок человек профнепригодных набралось. Безграмотных, больных, нерадивых. Ты бы занялся ими». — «Слушаюсь», — отвечаю. Собрал этих «мудиков», как мы их называли, три раза с ними занятия провел... И вдруг — проверка из Москвы. Тактика боя одиночного бойца. Поднял я, как мог, моих «мудиков», кое-как дотолкал их до места назначения. Провалили они эту тактику с треском. Тогда высокое начальство потребовало продемонстрировать эту самую тактику мне. Потом — командиров роты. Потом — комбату. Якимов не выдержал: «Это унижение офицера перед подчиненными, генерал». Якимов понизили в звании. Тут же, не вникая в причины. На глазах у моих бедолаг-курсантов, которых я три дня как собрал.

Не помню, что сказал я тогда генералу, а только отдал меня под трибунал. Вернулся я в свою казарму, выпив три стакана водки. И — ни в одном глазу. Только одна мысль у меня в голове застряла: трибунал — это, в лучшем случае, штрафбат. Мама узнает, что сын ее — в штрафбате. И решил я тогда трибунала не дожидаться. Револьвер мой был пока при мне... И тут меня срочно вызывают к Якимову. Прихожу. «Спасибо, сынок. Не будет никакого трибунала. Разобрались», — а сам сидит в шинели, белый, как мел. Я вышел — и упал на снег. Очнулся утром, в кровати. Форма на стуле аккуратно висит. Все как обычно. Только Якимов в тот день сняли. Вот такие тогда были люди. Личности.

— А сейчас?

— А сейчас — персонажи. Даже на экране. Персонажи есть, личностей — нету. Сейчас нормальный мужской поступок воспринимается как подвиг. Помню, на том проклятом пятом съезде кинематографистов валили Бондарчука. И никто ведь не встал, не сказал: «Мужики! Что вы делаете!» Один Никита Михалков заступился. Ну, ладно, развалили союз — и что теперь? Теперь снимаем эским в Чехословакию, в Белоруссию — там дешевле. А что снимаем? Вы посмотрите, ведь женщина на экране превратилась в реквизит. Для удовлетворения похоти и — реж — для красоты кадра. Все. И дети наши играют среди машин. Человек — ничто! Человек — это вещь! Возразите мне, если можете!

— Возражений нет.